

Энергетическая война XXI века. Правила игры (Сентябрь 2018 г.)

Попытки руководства ЕС вынудить Россию ратифицировать Договор Энергетической Хартии привели к тому, что стали меняться «правила игры» на мировом энергетическом рынке. В наше время рынки действительно стали глобальными, и резкие изменения в одном из регионов неизбежно приводят к изменениям во всех остальных. Кавычки использованы не случайно — эти «правила» не изложены в каком-либо законодательном акте, они используются по умолчанию, и увидеть их порой бывает достаточно сложно.

Локальное затишье

«Боевые действия» энергетической войны XXI века наиболее активно ведутся на «газовом фронте». Нефть перешла в разряд классических биржевых товаров, ограничить торговлю ею можно только либо за счет введения каких-то видов эмбарго против тех или иных государств, либо за счет ведения войны — традиционной или «гибридной». «Эмбарго» — это действия США против Ирана, наземная война — это разгром Ирака, гибридная война — это Ливия. Варианты, как видите, есть, но применяются не так часто, результаты получаются весьма спорными.

Дискриминационные меры против российского нефтяного сектора с 2014 года достаточно многочисленны, результат мало отличен от нуля. Единственное, что можно поставить в заслугу Европейской комиссии, — то, что сотрудничество России со странами ОПЕК набирает обороты, что снижает реальность мечтаний ЕК о диверсификации поставок и успехов в снижении цен. Это хороший результат, достойный — чем менее зависимы от потребителей нефтедобывающие отрасли стран-производителей, тем этим странам лучше. Хочется верить, что под нажимом ЕК начнет выходить на авансцену и ФСЭГ, Форум стран — экспортеров газа, но пока трудно загадывать, какими могут быть перспективы.

Уголь с момента подписания Парижского соглашения по климату в Европе практически вне игры — Евросоюз активно развивает новую религию, дав ей замысловатое название «декарбонизация энергетики». Отдельные очаги сопротивления адептам и фанатикам этой религии в Европе еще остались — Польша и Эстония не испытывают желания добровольно отказываться от основы своей энергетической безопасности (каменный и бурый уголь в первом случае, горючие сланцы — во втором), но сколько они продержатся при такой активности Еврокомиссии, предсказать сложно.

Да, пару слов о том, что происходит вокруг этого Парижского соглашения. О том, что США официально вышли из него, рассказали СМИ всего мира, критика этого шага была всеобщей, всеохватной, не преминули присоединиться к ней и российские СМИ, и целый ряд отечественных экспертов. В хоре этих голосов утонула критика самого Парижского соглашения — далеко не все согласны с научными обоснованиями, на основании которых оно было выработано.

Есть 23 страны, подписавшие Соглашение, но не испытывающие желания его немедленно ратифицировать — их не устраивает его обязательное положение о том, что к 2020 году необходимо пересмотреть государственную стратегию в сфере выбросов CO₂ в сторону снижения. Одна из этих стран — Российская Федерация. Если коротко — США из Парижского соглашения вышли, Россия в него вообще не входила. Но это, конечно, отдельная тема для разговора.

Атомная энергетика для большинства европейских стран теперь «вне закона», озвученный вслух повод — опасения за ядерную и радиационную безопасность, реальная причина —

утрата технологий и компетенций. Единственное государство ЕС, которое борется за свое место на рынке реакторостроения, — Франция, но борьба эта ведется такими методами, которые только дискредитируют атомную энергетику в глазах европейских обывателей.

Трехкратные превышения договорных сроков и смет, множество выявляемых атомными надзорными органами нарушений — так выглядит «французский атомный шарм», и пока совершенно не очевидно, что от него удастся избавиться. Исключения, впрочем, имеются и тут — Росатом подписал контракты на строительство АЭС в Венгрии и Финляндии, в настоящее время они проходят всевозможные дополнительные согласования.

Нельзя исключать, что вернуться к проектам строительства новых «атомных» энергоблоков Чехия и Болгария, хотя делать предсказания о том, что будет делать Болгария — неблагодарное занятие. Если ЦК компартии Китая даст одобрение на финансирование, будет построена АЭС в Англии, но пока на «атомном фронте» в Европе все — в будущем времени с разной степенью вероятности.

Строптивость природного газа

Таким образом, «боевые действия» энергетической войны XXI века связаны, прежде всего, с формированием и функционированием региональных газовых рынков. Газ, в отличие от нефти, имеет крайне упрямый характер — он продолжает успешно сопротивляться глобализации и либерализации, отказываясь становиться всемирным биржевым товаром. Газ отказывается собираться в месторождения на территории стран, борющихся за европейские ценности, не помогает даже такая радикальная мера, как голосование в Европарламенте.

Законы физики и химии, на основании которых работает технология сжижения природного газа, имеют наглость не подчиняться директивам Еврокомиссии и вердиктам конгресса США. Газ коварно отказался собираться в больших количествах еще и под землями региона, страны которого демонстрируют самый большой экономический и демографический рост — речь о Азиатско-Тихоокеанском регионе. Газ ужасно тоталитарен, его месторождения поддерживают экономику государств, где не соблюдает в полном объеме права ЛГБТ-сообщества — Россия и Иран занимают первую и вторую строчки в рейтинге стран по объему его запасов.

Конечно, страны Юго-Восточной Азии с завистью смотрят на Европу, где возник и развивается спотовый рынок газа, но матушка-природа распорядилась так, что в ЮВА нет системы магистральных газопроводов — слишком велики расстояния от крупных месторождений. В силу всего этого единого мирового рынка природного газа — просто нет. Есть газовый рынок Европы, есть газовый рынок ЮВА, единый рынок газа Латинской Америки только складывается, в Африке массивное использование газа в экономике пока только в проектах — разумеется, за исключением Египта.

Такая «экзотика» для нашего медийного пространства, как Австралия, с каждым годом требует все больше внимания — здесь выявлены перспективные месторождения, уже построены несколько заводов по сжижению, идет реализация еще нескольких проектов. Географическая близость к ЮВА делает СПГ-сектор Австралии все более значимым игроком. До начала «сланцевой революции» самым большим импортером газа были США, но сейчас ситуация кардинально меняется — Америка из импортера превратилась в экспортера. Здесь придется отдельно рассмотреть обе фазы этого превращения — сначала Штаты начали резко сокращать закупки газа, в связи с чем их традиционные поставщики ушли на другие рынки, тем самым основательно их изменив.

Теперь Штаты начинают попытки нарастить экспорт — и это будут еще одни изменения, пусть и не такие стремительные, как того хочется Дональду Трампу. То, что даже один потребитель/производитель способен основательно изменить обстановку на региональном рынке, мы видим на примере Японии, которая после катастрофы АЭС «Фукусима-1» и остановки всех атомных реакторов в считанные месяцы стала крупнейшим импортером СПГ. Предпринимаемые меры по повышению энергоэффективности, запуск нескольких АЭС приостановили рост закупок, но за это время на авансцену вышел Китай с его программой замещения угольных ТЭС газовыми. В 2017 году было несколько месяцев, когда Китай по импорту газа обгонял Японию, в этом году по итогам первого полугодия Китай на первом месте уже стабильно.

Трубопроводные перспективы Европы

На европейском газовом рынке, если сжато, происходит следующее. В среднесрочной перспективе конкуренции трубопроводному газу не предвидится — в прошлом году «Газпром» поставил 194,4 млрд кубометров, в этом году ожидается объем в 205 млрд кубометров, одновременно строятся еще два магистральных трубопровода для увеличения поставок российского газа. Активно «разрекламированный» проект поставок газа из Азербайджана прекрасен, но 10 млрд кубометров, которые будут поступать в Европу по «Южному газовому коридору», серьезных изменений не вызовут.

Тенденции на газовом рынке Европы в последние годы можно описать формулой «5% и 5%» — на 5% в год растет потребление и на 5% в год падает собственная добыча. В 2017 году потребление газа в Европе превысило планку в 500 млрд кубометров, потому абсолютные цифры здесь совсем другие. Именно по этой причине разговоры о том, что газотранспортная система Украины после выхода на полную мощность «Северного потока — 2» и «Турецкого потока» «станет никому не нужна», останутся только разговорами.

Как бы ни складывалась политическая конъюнктура, ЕС, что называется, «костями ляжет», но систему газопроводов, укомплектованную подземными хранилищами газа, сохранит. Максимальная пропускная способность ГТС Украины — 140 млрд кубометров газа в год, что обеспечивает энергетическую безопасность Европы на немалый период. Июльская тройственная консультационная встреча Еврокомиссия — Россия — Украина показала, что стремление Европы обеспечить надежное функционирование ГТС Украины только растет.

Аналитический онлайн-журнал «Геоэнергетика.ru» уже приводил короткий анализ итогов этой встречи. Еврокомиссия будет настаивать на том, чтобы Украина, ратифицировавшая Договор Энергетической Хартии, как можно быстрее изменила свое законодательство под его требования. Одно из них — владельцем ГТС и ее оператором должны быть разные юридические лица, не зависящие друг от друга. Это позволит сменить «Нафтогаз» на более адекватного переговорщика — вероятнее всего, таким оператором станет компания, которая будет создана при жестком диктате и контроле со стороны ЕК.

Для того чтобы ГТС Украины была загружена так, чтобы получаемая плата за транзит окупала эксплуатационные расходы и позволяла получать средства на необходимые ремонт и амортизацию, ЕК, как заявил еврокомиссар Шефчович, «будет честным брокером». Необходимый объем — не менее 50–60 млрд кубометров газа в год, вот на такой объем «честный брокер» и будет искать для «Газпрома» новых потребителей.

У Еврокомиссии (ЕК) есть еще несколько трубопроводных проектов, которые в среднесрочной перспективе правильнее считать прожектками. Есть проект объединения месторождений, найденных в последние годы на шельфе Израиля и Кипра, газ из которых

теоретически можно «дотянуть» до юга Европы. Но для этого придется сначала выяснить отношения с Турцией и Республикой Северный Кипр, которые считают, что месторождение «Афродита» частично находится в территориальных водах Северного Кипра. После этого придется решать серьезную научно-технологическую проблему — пока никто в мире не прокладывал газопровод на глубине порядка 5 000 метров в сейсмоопасном районе и в водах с повышенным содержанием сероводорода.

Европа могла бы рассчитывать на разработку и реализацию проектов поставок газа из Ирана — его ресурсы вполне позволяют такой вариант, но новые дискриминационные меры в отношении Ирана со стороны США привели к тому, что европейские газовые компании одна за другой выходят из любых проектов на его территории. Есть проект объединения месторождений Туркмении и Азербайджана, которые теоретически способны увеличить возможности «Южного газового коридора», но начинать придется с того, чтобы договориться с властями Туркмении о независимом международном аудите ее месторождений, затем решать проблемы транзита газа через Каспийское море.

Даже при самых благоприятных условиях реализация этих проектов займет не менее десяти лет, поэтому объективная реальность печальна для руководства ЕК и оптимистична не только для «Газпрома», но и для всех крупных европейских газовых концернов, работающих с ним как с надежным и предсказуемым поставщиком. Европе в ближайшие 5–7 лет предстоит оставаться с тем, что имеется, — с реализуемыми Россией проектами магистральных трубопроводов и с ГТС Украины.

Будет ли этого достаточно — покажет только время. Правительство Нидерландов приняло окончательное решение о прекращении с 2025 года добычи на Гроннингенском месторождении, а здесь в настоящее время извлекают 25 млрд кубометров газа ежегодно. Опубликован прогноз группы ученых-геофизиков Норвегии, по подсчетам которой к 2030 году добыча в Северном и Баренцевом море снизится с нынешних 110 млрд кубометров в год до 30–40.

Летом 2009 года, когда было уже очевидно, что Россия выйдет из Энергетической Хартии, Евросоюз принял так называемый «Третий энергетический пакет», Third Energy Package. Формальная цель — разумеется, «развитие либеральных европейских ценностей, либерализация газового и электрического рынков Европы». На практике же ТЭП — жесткое антимонопольное законодательство, которое может применяться в том числе по политическим мотивам.

В 2009 году слово «санкции» еще не вошло в политический лексикон наших западных партнеров, евробюрократы активно пользовались языком Эзопа. ЕК отвела странам — членам ЕС полтора года на приведение национальных законодательств в соответствие с положениями ТЭП для того, чтобы ликвидировать как таковые вертикально интегрированные газовые и энергетические компании. Юридическая цель ТЭП — не допускать ситуаций, когда монополисты, поставляющие энергоносители, блокируют доступ конкурентов к потребителям за счет владения сетями распределения. Если компания импортирует природный газ — читать как «сотрудничает с российским «Газпромом» — она не должна иметь возможности контролировать компании, владеющие распределительными сетями.

Более мягкий вариант — вертикально-интегрированная компания-импортер сохраняет собственность над распределительными сетями, но передает оперативное управление ими независимым компаниям. Специально для стран Восточной Европы был оставлен третий вариант — компания-импортер может быть и владельцем, и оператором

распределительных систем, но только под жестким контролем независимых или государственных регуляторов. Как долго для них будет сохраняться возможность вот этого, третьего, варианта, пока неизвестно, новых директив ЕК по этому поводу не было. ТЭП уже несколько раз оказывал влияние на бизнес «Газпрома» в Европе, рассмотрим подробности позже.

Границы либеральной экономики

В 2009 году ЕК вполне серьезно рассматривала попытку снижения рыночной доли «Газпрома» за счет увеличения поставок СПГ. СПГ в ЕС на то время поставляли Норвегия, Катар и Алжир, но крупнейшим поставщиком был именно Катар. В данном случае нет смысла подробно рассматривать, какие именно катарские компании были заняты в этом бизнесе, — как и в любой стране (за исключением США), имеющей на своей территории месторождения энергетических ресурсов с объемами, позволяющими их экспортировать, нефтяная и газовая отрасль в Катаре находится в руках государства.

Можно сколько угодно обвинять Россию в том, что она сохраняет государственную монополию на экспорт газа, но такова мировая практика. Можем коротко пробежаться, к примеру, по списку стран, входящих в ОПЕК. Нефть и газ Алжира — это компания Sonatrach со 100% акций в руках правительства, Ангола — это Sonangol, Эквадор — PetroEcuador, Иран — это NIOC (National Iranian Oil Company) и NIGC (National Iranian Gas Company), Саудовская Аравия — Saudi Aramco и так далее. Можете проверить самостоятельно — исключений нет, везде только государственные компании, никаких игр в либеральную экономику.

Почему это так, а не иначе? Вот цитата из выступления лидера Исламской революции аятоллы Хоменеи: «Нефть и газ должны быть выведены из доходных статей бюджета страны и превратиться в фактор экономического прогресса и могущества Ирана. Тратить нефтяные и газовые доходы на решение бытовых проблем неразумно и крайне ущербно. Страны, продающие свои нефть и газ в соответствии с потребностями и политикой западных нефтяных корпораций и не прилагающие усилий к развитию местной промышленности, только набивают карманы своих правителей, но подлинной прибыли не получают, поскольку промышленность этих стран остается неразвитой.

Необходимо предпринять меры, чтобы страна могла сбывать нефть и газ на основании собственных решений и интересов, но для этого надо приложить немало усилий и добиться реального прогресса, необходимо за счет научно-исследовательских усилий вывести страну в лидеры научных технологий». Добавить, собственно говоря, нечего — экспорт энергетических ресурсов должен быть организован так, чтобы на многие годы вперед гарантировать устойчивое развитие государства и всего народа.

Контрольный пакет акций Qatargas и RasGas, добывающей компании и компании, отвечающей за СПГ-проекты, принадлежат полностью государственной компании QatarPetroleum. Соответственно, газовый бизнес Катара идет почти точно по правилам, изложенным аятоллой Хоменеи, которые отражаются в условиях контрактов, которые Катар предлагает своим потребителям. Контракты должны быть средне- и долгосрочными, в формуле цены газа должна присутствовать жесткая привязка к цене нефти, потребитель должен точно указывать, куда именно будет поставляться СПГ. Последнее условие Катар стал навязывать все более требовательно, все более жестко после событий весны 2011 года.

Юго-Восточная Азия — премиальный рынок газа

После катастрофы на АЭС «Фукусима-1» Япония остановила все 54 своих атомных реактора и в считанные месяцы превратилась в крупнейшего в мире импортера СПГ. С этого времени азиатский рынок СПГ по отношению к европейскому стал премиальным — превышение цены порой доходит до 100%, поскольку сказываются еще и климатические особенности. Максимальное потребление газа в Европе приходится на зимнее время — нужно обогревать население, а вот максимальная нагрузка на электростанции в ЮВА — летние месяцы, когда необходимо обеспечить работу многочисленных кондиционеров. В результате рост спроса на газ в ЮВА значительно серьезнее — охлаждение всегда обходится значительно дороже, чем обогрев.

Причина заключается в том, что для работы кондиционеров требуется исключительно электроэнергия, а для обогрева наших помещений все несколько иначе, поскольку все большее распространение получают комбинированные ТЭЦ, теплоэнергоцентралы. Для того чтобы увеличить КПД турбин, вращение которых и обеспечивает генерацию электроэнергии, пар стали перегревать значительно выше 100 градусов Цельсия — температура кипения воды зависит от давления, чем выше давление, тем выше температура кипения.

Пар, нагретый до 500–600 градусов, обеспечивает вращение турбины, но он не успевает при этом потерять всю температуру. После турбины его направляют в дополнительный теплообменник, где пар обеспечивает нагрев воды, которая затем поступает в систему отопления наших с вами жилищ. Если коротко, то в ТЭЦ энергия горящего природного газа используется дважды, одно из следствий — то, что во время отопительного сезона цена газа в Европе поднимается на проценты, а не в разы, как это порой происходит в ЮВА в летнюю жару.

Если усреднить цены СПГ по году, то средняя «премия» азиатского рынка по отношению к европейскому составляет от 30 до 40%. Катар прекрасно понимает, что европейские компании вполне могут заняться тривиальной спекуляцией — добившись за счет учета спотовых цен скидок, европейцы могут отправить газозовы в ЮВА. Мало того, что они таким способом могут отобрать часть рынка у Катара — такие спекулянты могут еще и цены в ЮВА сбить. ЕК продолжает настаивать на том, что в формуле цены СПГ должны учитываться спотовые цены, и Катар прекратил попытки переупрямить еврочиновников.

По мере того как заканчиваются сроки контрактов поставки СПГ в Европу, Катар направляет все освободившиеся объемы СПГ в ЮВА. Метод простой — контракт закончился, а новые подписывать Катар отказывается, стараясь к этому моменту найти новых потребителей в ЮВА — там никто им ничего не рассказывает ни про какой спот, там всех устраивает привязка цены к цене барреля нефти. В результате катарский СПГ не стал и в обозримом будущем не станет конкурентом российского трубопроводного газа на европейском рынке — нет у Катара никаких стимулов этим заниматься.

Есть традиционные потребители среди газовых компаний тех стран, куда магистральные газопроводы не дотянулись, — Испания, Португалия, какие-то объемы идут в Италию, Грецию, Турцию, и Катару этого вполне достаточно. Степень загруженности европейских регазификационных терминалов не поднимается выше 26–27% — Катар не испытывает никакого желания даже пытаться конкурировать с «Газпромом». Летом этого года СПГ с Ямала стал поступать в Португалию — она решила диверсифицировать поставщиков, подписав среднесрочный контракт с «Новатэком». Вы слышали что-нибудь о том, что Катар этому сопротивлялся, бросился заниматься демпингом? Вот и мы не слышали —

Катару такие игры просто без надобности, он наверняка успел найти новых потребителей в ЮВА к этому моменту.

Случайное совпадение?..

Да, еще один занимательный факт по поводу 2011 года. Нет, мы не являемся поклонниками конспирологии, мы просто перечислим факты. 2009 год — Катар сделал Сирии предложение по проекту «Арабского трубопровода» по маршруту Катар — Саудовская Аравия — Иордания — Сирия — Турция — Европа. 2009 год — стремительный рост добычи «сланцевого газа» в США и постепенное снижение объема импортируемого этой страной СПГ. «Сокращать» поставщиков Штаты начали не с Катара, но уже было очевидно — рано или поздно этот рынок сбыта для Катара кончится.

Разумеется, уже тогда Катар начал задумываться о новых рынках сбыта — и именно тогда мы слышали больше всего слов на тему «Катар придет в Европу и съест «Газпром». Отказ Башара Асада участвовать в проекте Арабского газопровода первоначально никаких демаршей со стороны Катара не вызвал — в конце концов, строительство МГП такой протяженности не могло быть завершено «в мгновение ока», а вот перенаправить газовозы по направлению не к Америке, а к Европе можно было быстро и просто. А вот в 2011 году события внезапно стали развиваться стремительно.

«Фукусима-1», скачок цен на СПГ в ЮВА и — начало гражданской войны в Сирии, одной из основных целей которой было отстранение от власти неуступчивого Асада. Как только стало очевидно, что катарский СПГ влиять на рыночную долю «Газпрома» на европейском газовом рынке не будет, началась экспансия ДАИШ* (организация, деятельность которой запрещена в РФ) и прочие прелести. Катар не собирался везти в Европу СПГ — с его сбытом проблем не было, а вот отказываться от проекта трубопроводных поставок причин не наблюдалось.

Нет, мы ничего не утверждаем — просто удивляемся такому хронологическому совпадению, не более того. Да, и еще один момент — из рассмотрения ситуации на европейском газовом рынке австралийские СПГ-проекты после 2011 года можно спокойно вычеркнуть. Никто не повезет на такое расстояние газ, туда, где правят бал спотовые цены, вместо того, чтобы поставлять его на премиальный рынок ЮВА, расположенный куда как ближе.

Вот первое негласное правило европейского рынка СПГ: если вы хотите видеть здесь газ из Катара, будьте готовы подписать контракт не менее чем на 7–8 лет, заранее соглашайтесь на привязку цены к баррелю и готовьтесь принимать катарские газовозы. Катар владеет самым большим в мире флотом газовозов, его проблемы выросшего в последние годы фрахта волнуют в последнюю очередь.

LNG, produced in USA

Вот уже скоро три года, как на региональных рынках стал появляться СПГ, произведенный в США. Нет, не «американский СПГ», а именно «СПГ, произведенный в США» — мистер Трамп никогда не говорит «American LNG», а только «LNG, produced in USA». Разница отнюдь не филологическая — она очень важна, поскольку отражает суть происходящего с производством СПГ в этом государстве.

США долгое время были крупнейшим в мире импортером углеводородов. Именно по этой причине их законодательство «заточено» под покупку энергетических ресурсов — в него

имплементированы все постулаты либеральной экономики. Есть очень простой способ помочь самому себе анализировать углеводородные страсти — надо помнить, что такое вертикально интегрированная компания, и то, что в отношении углеводородов страны мира делятся всего на два лагеря: на территории одних имеются значительные по объемам месторождения газа и нефти, на территории других они отсутствуют.

Есть крупные месторождения — есть и вертикально интегрированные компании, в 99 случаях из ста контролируемые государством. Классический пример — Россия и «Газпром». «Газпром» разведывает и разрабатывает месторождения самостоятельно, самостоятельно находит рынки сбыта и точно так же, сам, строит магистральные газопроводы, подземные хранилища газа и распределительные сети. От теодолита до конфорки кухонной плиты в России — «Газпром», старающийся действовать по «принципам Хаменеи».

Нет крупных источников — нет и вертикально интегрированных компаний, на выживших динозавров накинута жесткая уздечка Третьего Энергопакета. Добывают или импортируют газ одни компании, хранят вторые, распределяют по конечным потребителям третьи, монополии наши западные партнеры боятся, как черт ладана. Теоретики либеральной экономики с пеной у рта уверяют, что конкуренция обязательно снизит конечные цены и увеличит уровень энергетической безопасности. На деле возникают цепочки посредников, цены не понижающие, а задирающие вверх, но сейчас не об этом. Законы, во многом похожие на европейские, действуют и в США.

Любая компания, добывшая природный газ (как сланцевый, так и традиционный), продать его имеет право только на газовой бирже Henry Hub, возможностей подписания прямых контрактов с конечными потребителями законодательство не предоставляет. Цены на Henry Hub — рыночные, чуткие к котировкам нефтяных бирж. Бюрократически максимально затруднено получение экспортных лицензий — многие годы Штаты боролись за обеспечение природным газом собственного рынка как за счет импорта, так и за счет того, чтобы газ, добываемый на собственной территории, ее не покидал.

Еще одно следствие тех времен — отсутствие в США производства, строительства танкеров-газовозов. Ну, не было тут никакого спроса на этот товар — продавцы сами исправно везли СПГ на собственных или зафрахтованных газовозах, никаких проблем с этим не было. То, что сейчас у Дональда Трампа есть желание укреплять экспорт СПГ, — это, конечно, похвально, но законодательство в его стране такое, какое есть, менять его при всем энтузиазме придется не один год.

Становление новой отрасли экономики США

Берем на вооружение логику и с учетом вот этих начальных условий пытаемся себе представить, как могло выглядеть начало совершенно нового для США бизнеса — сжижение природного газа и его экспорт. Пионером этого бизнеса стала компания Cheniere Energy, вот на ее примере и рассмотрим. Мощность построенного ею в Луизиане СПГ-завода Sabina Pass — 19 млрд кубометров газа в год, практически такая же, как у построенного «Новатэком» завода «Ямал-СПГ», на запуск которого потребовалось 20 млрд долларов.

Как и в нашем, российском случае, такой свободной суммы у будущего владельца завода не было. «Здравствуйтесь, господа банкиры! У нас есть огромное желание построить завод по сжижению природного газа, есть территория для строительства и договоренности с властями о получении лицензии на экспорт». Логика господ банкиров, в общем-то,

одинакова в любой стране — если только это не представители исламского банкинга. Зарабатывают на хлеб насущный банкиры на процентах за выданные кредиты и очень хотят, чтобы бизнес, который они прокредитовали, имел минимум коммерческих рисков.

Давать или нет кредит вот этой Cheniere Energy, если залога у нее нет, есть только возможность покупать газ на Henry Hub? Это у вертикально интегрированных компаний с активами все в полном порядке — скважины, месторождения, магистральные газопроводы и прочие сети заправок, а в этом случае ничем подобным и не пахло. Отказать? Стать препятствием для развития нового американского бизнеса, вместо того, чтобы набрать дополнительный рейтинг? Нет, невыгодно и неразумно. Разумно — помочь «пионерам» выстроить бизнес так, чтобы он гарантированно позволял вернуть заемные средства вместе с процентами. Убрать коммерческие риски, оставить только то, что приносит прибыль в любых рыночных условиях.

Покупка газа на Henry Hub — рискованна, поскольку тут все зависит от котировок нефти. Продажа СПГ в исполнении Cheniere Energy, которая не имеет подобного опыта на рынках, где к конкурентам с симпатией никто не относится — тоже риск. Если убрать оба риска, оставить только и исключительно сам производственный процесс — все отлично, бизнес будет идти спокойно и размеренно, обеспечивая финансовые потоки в необходимых объемах. Покупатель должен сам купить газа на Henry Hub оплатить работу по сжижению, а дальше делать с полученным СПГ все, что посчитает необходимым.

Но откуда возьмутся покупатели, готовые идти на двойной риск? Бизнес с Cheniere Energy должен быть привлекательнее, чем бизнес с государственными газовыми компаниями Катара. Если из катарских контрактов вычеркнуть привязку к пункту поставки, то этот гипотетический трейдер получит полную свободу рук — сможет поставлять СПГ на тот из рынков, где спотовые цены и прибыли будут максимальны. Вот, собственно, и все — если Cheniere Energy окажется способной «добыть» таких трейдеров, можно кредитовать строительство СПГ-завода.

Да, но что будет, если конъюнктура рынков окажется такова, что трейдер не решится рисковать и приостановит все операции? Хм, трейдеры спокойно работают с «Газпромом» и с теми же катарскими компаниями по контрактам, где имеется условие «качай и/или плати»! Значит, и для Cheniere Energy подобное условие должно стать строго обязательным — «сжижай и/или плати». Подписал контракт — оплатил страховую сумму, аналог арендной платы. Начал сжижать — доплатил оставшееся, не стал сжижать — минимальная сумма поступила на счета Cheniere Energy, на оплату кредита хватит.

Именно так и выглядит деятельность Cheniere Energy и ее Sabina Pass. 95% времени работы сжижающего оборудования розданы в аренду на основании долгосрочных (более 10 лет) и среднесрочных (от 7 до 10 лет) контрактов. 5% выделены для самой Cheniere Energy как своеобразная «дань американскому патриотизму» — американская компания получила возможность заявить себя как трейдер СПГ, получила возможность нарабатывать опыт деятельности на региональных рынках. Кто стал клиентами Sabina Pass? Например, BP, которая на всех газовых рынках работает, профессионально справляясь с любыми рисками.

Компании из Японии и ЮВА, имеющие собственные распределительные сети у себя дома. Британская Centrica, владеющая 30% газораспределительных сетей Острова. В марте этого года в США принят в эксплуатацию второй СПГ-завод с экспортной лицензией — Cove Point с мощностью переработки 5,5 млрд кубометров газа в год, но и его строительство шло на кредитные деньги, и здесь контракты выглядят точно так же, как и у Sabina Pass. Конкуренция с «Газпромом» на европейском газовом рынке? Сейчас! На 10 лет вперед

мощности на 3,0 млрд кубометров законтрактованы японскими компаниями, еще на 2,3 млрд кубометров — индийскими компаниями. Оставшиеся 200 млн кубометров могут, конечно, и в Европу попасть, только вот на фоне объемов поставок «Газпрома» (194,4 млрд кубометров по итогам 2017 года) это как-то совсем уж не смешно.

И Дональд Трамп предельно корректен — только «LNG, produced in USA», никак иначе. Потому что не желает президент США выглядеть глупо — он прекрасно понимает, что у него нет никаких юридических механизмов, позволяющих принудить ту же ВР везти СПГ не на премиальный рынок в ЮВА, а в какую-то там Европу, где придется конкурировать с «Газпромом» за счет снижения цены. Будь Трамп хоть дважды президентом США — он не заставит азиатские компании отказаться от поставок газа «к себе домой».

Даже если Трамп решит устроить «рейдерский захват» СПГ-заводов — нужного ему результата не будет. Будут разорваны все контракты, уйдут все трейдеры — и что дальше-то? Субсидировать компании-владельцы заводов бюджетными средствами, чтобы те сами стали выкупать газ на Henry Hub и самостоятельно торговать СПГ на разных рынках? Но для этого нужно перевернуть с ног на голову все законодательство США, которое не позволяет стать правительству хозяйствующим субъектом, не позволяет прямой поддержки отдельных компаний без специальных решений конгресса и сената, запрещает существование вертикально интегрированных углеводородных компаний.

Вот и еще два негласных правила рынка СПГ. СПГ, произведенный на территории США, может появиться на любом рынке, но никакого целенаправленного «Американского потока» создано быть не может — трейдеры повезут СПГ туда, куда выгодно им, а не правительству и президенту США.

Либеральная экономика ЕС на страже интересов России

Еще одно правило неизбежно вытекает из особенностей законодательства ЕС, в которое имплементированы все постулаты либеральной экономики. Еврокомиссия не является хозяйствующим субъектом, в ее распоряжении нет юридических механизмов, которые могут вынудить европейские газовые компании отказаться от сотрудничества с одними поставщиками в пользу других. Не так давно Жан-Клод Юнкер обещал Дональду Трампу, что ЕС «увеличит закупки американского сланцевого газа». Теоретически красиво и устрашающе для «Газпрома», практически всего два варианта — эти закупки увеличит либо лично Жак-Клод Юнкер, либо какие-то новые компании, зарегистрированные в ЕС, которые получают финансирование из бюджета ЕС решением Еврокомиссии.

Можно вообразить себе даже такое развитие событий, но тут же возникнет вопрос — а кто, собственно говоря, будет работать с такими «новичками», которые будут предлагать потребителям газ по ценам на 50–60% выше, чем цены российского трубопроводного газа? Разве что только те, кто на себе испытал воздействие «Новичка» — например, руководство Литовской Республики. Но европейский газовый рынок и газовый рынок Литвы — это даже не слон и Моська, это слон и кусачее насекомое на хвосте Моськи. Что там еще Юнкер обещал? Новые СПГ-терминалы в Европе построить? Оклад у президента Еврокомиссии большой — пусть строит.

Любой анализ состояния и перспектив газового рынка СПГ, событий, на нем происходящих, имеет смысл делать только в том случае, если в анализе учтены все перечисленные правила.